

ХРОНИКИ СЕМЬИ ОТ ХЭРРИЕТ ЭВАНС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДИКИЕ ЦВЕТЫ

ЛЕТО БАБОЧЕК

МЕСТО ДЛЯ НАС

HARRIET EVANS

A PLACE
FOR US

ХЭРРИЕТ ЭВАНС

МЕСТО
ДЛЯ НАС

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э14

Harriet Evans

A PLACE FOR US

Copyright © 2015 by Harriet Evans
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Надежды Сосновской*

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Эванс, Хэрриет.

Э14 Место для нас / Хэрриет Эванс ; [перевод с английского Н. Сосновской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-04-111800-6

День, когда Марта Винтер решила разрушить свою семью, начался обыкновенно, как всякий другой день...

Марта, жена и мать троих детей, садится одним летним утром, чтобы написать приглашения для гостей на свое восьмидесятилетие. Она знает, что в этот день все изменится. Марта расскажет правду, потому что больше не может молчать. Все то, что они создавали и строили вместе с мужем больше пятидесяти лет, разлетится на мелкие щепки.

Приглашения отправляются в разные уголки мира, и вот уже на празднество спешит доктор Билл, интеллектуалка Флоренс и добропорядочная Дейзи. Воссоединение обнажит душевные раны и вскроет обиды, живущие с героями всю жизнь.

Добро пожаловать в Винтерфолд.

Семья Марты Винтер возвращается домой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Сосновская Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111800-6

Беа и Джоки — с любовью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРИГЛАШЕНИЕ

Семья — милый осьминог, от щупальцев которого нам никогда до конца не ускользнуть. Впрочем, в глубине души мы и не хотим до конца ускользать.

*Доди Смит,
«Милый осьминог»*

МАРТА

АВГУСТ 2012

День, когда Марта Винтер решила разрушить свою семью, начался обыкновенно, как всякий другой день.

Проснулась она рано. Она всегда просыпалась рано, а в последнее время ей вообще не спалось. Этим летом она к пяти часам утра чаще всего бывала уже одета: слишком много было такого, о чем требовалось подумать. Не имело смысла валяться в постели.

В это конкретное утро Марта проснулась в половине пятого. Глаза открылись, пришли воспоминания, и подсознание явно усвоило грандиозность того, что она собралась совершить. Марта села, потянулась и ощутила тупую боль в костях и острую — в колене. Она надела старый шелковый розовый халат с рисунком из павлиньих перьев и тихонько прошла по спальне. При этом, как водится, наступила на скрипучую половицу и, как водится, бесшумно закрыла за собой дверь.

Дэвида не было. Марта могла по пальцам пересчитать те ночи, когда они не спали вместе, и эта ночь была из таких. Дэвид уехал в Лондон, чтобы присмотреть за подготовкой выставки, и Марта собралась осуществить свой план сегодня, пока он не вернулся и не сказал ей, что она не права.

В конце августа солнце еще всходило рано над холмами, окружавшими Винтерфолд. Пышные кроны деревьев

рассеивали оранжево-розовый свет. «Скоро, — словно бы шептали листья, когда ветер шевелил их по ночам, — скоро мы высохнем и умрем; все когда-то умирает». Да, кончалось лето, и Большая Медведица по ночам появлялась на западе. В вечернем воздухе уже стояла прохлада.

Не потому ли, что скоро осень? Или потому, что скоро ее восьмидесятый день рождения? Что с такой силой подталкивало к тому, чтобы сказать правду? «Наверное, — подумала Марта, — дело в выставке». «Война Дэвида Винтера» — вот как она будет называться. Дэвид сказал, что в Лондон едет из-за выставки — встретиться с галеристами и посмотреть старые рисунки.

Но Марта знала, что это ложь. Она хорошо знала Дэвида и всегда понимала, когда он врет.

Вот из-за чего все началось. Кто-то в какой-то лондонской галерее решил, что настало время устроить такое шоу, — решил, плохо понимая, какой вред это принесет. Мол, прошлое умерло и похоронено, от него теперь не будет никакого зла. «А помните, у Дэвида Винтера были неплохие работы — виды разбомбленного Лондона?» — «Дэвид Винтер? Тот, что рисовал комикс «Уилбур»?» — «Он самый». — «Вот это да! Понятия не имел, старина. А откуда он родом?» — «Из Ист-Энда, кажется. Да он не только мультяшных собачек рисовал и прочую муру». — «Отличная мысль. Напишу ему, спрошу».

И планы были составлены, и все завертелось. Правда неизбежно должна была явить себя миру.

Каждое утро Марта заваривала себе чай в чайнике. И при этом напевала. Она любила петь. Кружку она всегда брала одну и ту же — из корнуэльского фаянса, с синими и белыми полосками. Марте нравилось обхватывать горячую кружку скрюченными пальцами. Теперь у нее было время пить чай галлонами, а чай Марта любила крепкий. «Креп-

кущий» — как называла его Доркас. Славное сомерсетское словечко, Марта узнала его во время войны. Ей было семь, когда их эвакуировали в Бермондси. Четверо ребятишек в одной комнате. В войну жизнь и смерть выпадали так же случайно, как, скажем, складывалась судьба мухи — прихлопнут ее или промахнутся. В один прекрасный день Марта просто-напросто впихнули в поезд, а на следующее утро она проснулась в незнакомом доме с деревьями за окном. С таким же успехом можно было оказаться на луне. Марта тогда спустилась по лестнице в слезах и увидела Доркас, сидевшую за столом.

— Чашку чая, детка? Вкусного, крепящего, а?

Как это было давно!.. Марта выпила первую кружку чая и разложила на столе ручки и гладкую кремовую бумагу, готовясь к тому моменту, когда сможет начать писать.

Сколько уже прожито в этом чудесном доме, где каждый дюйм устроен с заботой, переделан с любовью. Сорок пять лет! Поначалу Марта думала, что им не справиться. Когда они увидели этот дом, картина возникла жуткая: половицы сгнили, викторианские деревянные панели были покрыты зеленой краской, а сад представлял собой огромную кучу компоста — правда, это был не навоз, а гора подгнившей мульчи.

— Не получится, — сказала Марта Дэвиду. — У нас не хватит денег.

— Я заработаю, Эм, — сказал он ей. — Что-нибудь придумаю. Мы должны жить здесь. Это знак.

Дети весело прыгали, держа родителей за руки. Малышка Флоренс возбужденно скакала, как обезьянка, и что-то невнятно бормотала. Билл подбегал к окнам и выглядывал наружу.

— Смотрите, смотрите! Вон там большущая дохлая крыса валяется, и ее кто-то пытался сожрать! Да смотрите же!

Даже у Дейзи глаза загорелись, когда она увидела, сколько вокруг места — а значит, Уилбуру будет где побегать.

— А деньги-то у вас есть? — спросила Дейзи обеспокоенно. Марта знала, что Дейзи слышит все.

Дэвид взял дочку на руки.

— Я заработаю денег, моя крошка. Заработаю. Разве не стоит заработать на такой дом?

Марта навсегда запомнила то, что Дейзи сказала потом. Она вынудила отца поставить ее на землю и, строптиво скрестив руки, заявила:

— Мне тут не нравится. Слишком красивенько. Пошли, Уилбур.

Марта и Дэвид с усмешкой переглянулись.

— Мы все-таки будем жить здесь, — сказала она, чувствуя прикосновение яркого солнца к макушке. У нее за спиной весело перекликались дети.

Дэвид улынулся.

— Даже не верится. А тебе?

— Скажем им почему?

Муж поцеловал Марту и нежно погладил ее щеку.

— Думаю, не стоит. Пусть это будет наш секрет.

Тогда денег у них не было, а теперь, разумеется, были. Дэвид придумал пса Уилбура и девочку Дейзи, которой казалось, что она понимает собачий язык. Сейчас практически в каждой семье есть книжка комиксов и кухонное полотенце с изображением Уилбура. А тогда, до Уилбура, у Винтеров мало что было, кроме друг друга. Только Марта и Дэвид знали, через что им пришлось пройти, чтобы оказаться в тот жаркий день тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года на лужайке перед этим домом и решить, что они купят Винтерфолд.

Она не забыла ничего — ничего из того, что случилось раньше этого дня и потом. Не забыла тех секретов, которыми обрастает каждая семья. Одни из этих секретов были маленькими — крошечные нескромности, неприметные шуточки. Другие были большими, слишком

большими. Такими, что Марта больше не могла их терпеть.

Утреннее солнце поднялось выше деревьев. Марта прошла по кухне, ожидая, когда заварится еще одна порция чая. Искусству терпения она научилась давным-давно. Когда у тебя есть дети, начинаешь жить медленнее, теряешь мечты о собственной карьере и постепенно совсем о них забываешь. Ей тоже хотелось стать художницей — не меньше, чем ее мужу. Но каждая беременность все крепче привязывала к дому. Ты лежишь на боку, не в силах заснуть, и ощущаешь движения ребенка; спина болит, дышится тяжело, и остается лишь ждать, когда родится дитя. А потом ты старишься и живешь еще медленнее, а дети растут и покидают тебя. Сколько угодно прижимай их к себе, но в один прекрасный день они уйдут, и это так же неизбежно, как то, что солнце встает по утрам.

«Билл пока здесь», — напомнила себе Марта. Впрочем, Билл с самого начала был особенным. Когда они перебрались в Винтерфорд, ему исполнилось восемь. Дейзи и Флоренс весь день проводили в саду или в лесу — в домике на дереве. К ним прилипали друзья, грязь и бесчисленные истории. А Билл, как правило, сидел дома, возился с конструктором, играл сам с собой в «морской бой» или читал книжки. Его милое серьезное лицо светилось надеждой, когда он приходил в кухню или в гостиную и обращался к ней со словами: «Здравствуй, мама. Ты себя хорошо чувствуешь? Тебе чем-нибудь помочь?»

И тогда Марта, которая чинила розетку или затыкала мышиную норку (дом постоянно требует заботы), улыбалась, зная, в чем дело: Билл считал минуты до их встречи, потому что хотел быть рядом с ней все время, но понимал, что нельзя. Это было по-девчачьи, и Дейзи уже дразнила Билла, а тем более мальчишки в школе. Поэтому Марта, если решала, что ничего страшного не будет, обнимала сына

и давала ему какое-нибудь задание — помыть посуду или порезать овощи. И он, и она делали вид, будто Биллу вовсе не хочется находиться здесь, что он просто ей помогает... Где же теперь этот серьезный кареглазый мальчик, каждый день разбивавший ей сердце своей любовью?

Но хотя бы он остался здесь, поблизости. А дочери — нет. После Билла родилась Дейзи. В то самое мгновение, когда Марте принесли дочку, когда она взглянула в зеленые глаза Дейзи — точно такие же, как у нее, — Марта сразу все поняла. Она великолепно разгадывала сердитые, то и дело меняющиеся выражения личика дочери, а потом — ее любовь к одиночеству и маленькие хитрые замыслы. За шесть десятилетий совместной жизни Марта и Дэвид до хрипоты спорили только из-за Дейзи. Люди ее не понимали.

«Дейзи? О, у нее все прекрасно. Она редко нам пишет и звонит — очень занята, да и оттуда, где она живет, не так просто позвонить, там со связью проблема. Но иногда она присылает сообщения. Мы очень ею гордимся». Да, в этом было некоторое лукавство, однако Марта знала: Дейзи выросла хорошим человеком. А вот Флоренс... Флоренс часто казалась Марте жирафом, выросшим в семействе угрей. Марта любила ее, очень гордилась ею, восхищалась ее интеллектом, страстностью и тем, что дочь, невзирая ни на что, стала такой особенной. И все же порой Марте хотелось, чтобы она была не такой уж... *Флоренс*.

Билл, Дейзи, Флоренс. Марта убеждала себя, что любит своих детей одинаково, но в тайном уголке своей души она хранила нечто наподобие считалочки: Билл был ее первенцем, Дейзи — первой дочкой, а Флоренс была дочкой Дэвида. Марта напевала слова считалочки, когда пропалывала грядки в саду, или шла в деревню, или чистила зубы. Слова застряли в голове, как навязчивая песенка, и ее запись звучала порой даже по ночам.

Марта стала ловить себя на том, что боится — вдруг кто-то сможет заглянуть в ее сердце и увидит, что она натворила. Однако время секретов закончилось. Наступало другое время. Скоро, очень скоро все тайны будут раскрыты.

Но захочет ли кто-нибудь вернуться после того, как будет сказана правда? В Винтерфолде все торжества проходили по заведенному порядку, никаких отклонений, даже по мелочам. Вечеринка с выпивкой на Рождество была самым грандиозным событием на многие мили вокруг: глинтвейн варили на чугунной плите «Ага» и подавали в здоровенном, высотой в два фута глиняном горшке. Знаменитые имбирные пряники Марты в форме звезд развешивались на ленточках по веткам рождественской елки, которую ставили в гостиной у застекленных дверей. Так происходило много лет подряд, так и будет продолжаться. А угощение в Валентинов день, когда дети подавали гостям сэндвичи в форме сердечек, а гости пили слишком много тернового джина, и на обратной дороге глубокой ночью до деревни совершалось немало любовных ошибок (подросток Билл, как-то раз сошедший с автобуса поздно вечером, возвращаясь с другой вечеринки, клялся, что видел, как миссис Тэлбот, работавшая на почте, целовалась с миссис Экройнд, хозяйкой «Зеленого человечка», по другую сторону павильона автобусной остановки)! Каждый год в ночь Гая Фокса¹ устраивали фейерверки, а на Пасху — невероятно популярные поиски яиц. Ну и конечно, обязательная летняя вечеринка в августе. Люди продумывали, когда уйти в отпуск, чтобы эту вечеринку не пропустить. На лужайке ставили тент, а вдоль

---

¹ Ночь Гая Фокса, также известная как Ночь костров и Ночь фейерверков, — традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. Праздник установлен в честь раскрытия так называемого «порохового заговора».